

6. Новиков И. О некоторых аспектах определения диалектики А.Ф. Лосевым в работе «диалектика мифа» / И. Новиков // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 39–43.
7. Нохрин В. Методологические аспекты историко-правового исследования / В. Нохрин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 6. – С. 6–10.
8. Арзамаскин Ю. Принцип историзма в научном исследовании / Ю. Арзамаскин // Вестник военного университета. – 2011. – № 3(27). – С. 7–11.
9. Бабайлов В. Индукция и дедукция / В. Бабайлов // Бизнес Информ. – 2012. – № 10. – С. 285–287.
10. Берлявский Л. Формально-юридический метод в правовых исследованиях: современные подходы / Л. Берлявский, Е. Шматова // Юридический мир. – 2012. – № 6. – С. 51–54.
11. Юсупов В. Административное право и методы его познания / В. Юсупов // Социально-политические науки. – 2007. – № 2. – С. 201–205.

ТОКАРЬ Л. В.,
ассистент кафедры философии
(Национальный университет
«Одесская юридическая академия»)

УДК 340.12:130.123.3

СУЩНОСТЬ ТРУДА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ ЕДИНИЧНОГО, ОСОБЕННОГО И ВСЕОБЩЕГО

Статья посвящена исследованию ряда проблем, касающихся сущности труда и его ценности. С помощью понятия так называемого «среднего» труда (термин Г.С. Сковороды) автор статьи стремится выяснить смысл философского понятия «труд» в диалектическом единстве в нем единичного, особенного и всеобщего. В статье раскрывается сущностное понимание свободы и творчества как атрибутов труда. Актуализируется вопрос об отчуждении труда, и этот вопрос, несомненно, требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: труд, социальное отражение, единичное, особенное и всеобщее, «средний» труд, свобода, творчество.

Статтю присвячено дослідженню проблем, що стосуються сутності праці та її цінності. За допомогою поняття так званої «спорідненої» праці (термін Г.С. Сковороди) автор статті прагне з'ясувати зміст філософського поняття «праця» в діалектичній єдності в ній одиничного, особливого та загального. У статті розкрито сутнісне розуміння свободи й творчості як атрибутів праці. Актуалізується питання про відчуження праці, і це питання, безсумнівно, потребує подальших досліджень.

Ключові слова: праця, соціальне відображення, одиничне, особливе й загальне, «споріднена» праця, свобода, творчість.

The article is devoted to the research of some problems concerning the essence of the work and its value. Using the concept of so-called “related” work (term of G.S. Skovoroda) the author seeks for clarifying the meaning of the philosophical concept of “work” in dialectical unity of the unique, the special, and the universal. The article reveals the essential understanding of freedom and creativity as the attributes of the work. There is updated question about the alienation of work, and this issue certainly requires further research.

Key words: *work, social reflection, unique, special, universal, “related” work, freedom, creativity.*

Введение. В XX в. под воздействием философско-экономической теории К. Маркса взгляды ученых обратились к исследованию вопроса о сущности труда. Наибольшее развитие этот вопрос получил в исследованиях социологов, экономистов, психологов и юристов. Благодаря их разработкам сформировались концептуальные представления об организации и оплате труда, его условиях, были разработаны методики улучшения мотивации работника к труду, очень актуальным оказался вопрос трудовой морали, а в правовом поле получили закрепления такие категории, как «достойный труд» и «свободный труд». Следует отметить, что, несмотря на имеющиеся предпосылки для последовательного, неуклонного и всестороннего развертывания трудовой деятельности как человеческой сущности, этого не произошло. Дело в том, что потребительское общество начало формировать новые потребности, которые не выводили человека на путь совершенствования, а вводили его в циклический замкнутый круг отношений, построенных на ощущении своего бытия как обладания множеством довольно сомнительных благ. Именно в таком ракурсе наука и обосновывающая ее позитивистская философия рассматривали труд в последнее время.

Однако параллельно развивались и философские представления об особом пространстве творчества и свободы, в котором возможно развертывание истиной человеческой сущности (работы Н.А. Бердяева, Г.С. Батищева, И.Ф. Ведына). Общество и наука столкнулись с такой проблемой, что философская концепция труда, выходящая за рамки характеристик наличного существования труда, выглядела «нерентабельной», так как, с точки зрения недальновидных экономистов, не давала конкретных советов по повышению производительности труда и, соответственно, его прибыльности.

Постановка задания. По мнению некоторых социологов, такая противоречивая ситуация сложилась в связи с изменением социальной роли самого труда. Трудовое общество, сформировавшееся в индустриальную эпоху, как считает Р. Дэриндорф, представляет собой такой исторический тип общества, в котором труд предстает важнейшим измерением социума, общественные институты которого ориентированы на труд. Образование в таком обществе является подготовкой к профессии, свободное время рассматривается как отдых для восстановления труда, пенсия – как заслуженная награда за трудовую жизнь [1, с. 28]. В связи с тем, что сейчас труд и профессия, по мнению У. Бека, теряют ту главную роль ориентира образа жизни, которую они выполняли еще в индустриальную эпоху, это приводит к определенным общественным потрясениям [2, с. 262–263]. Профессия в индустриальном обществе являлась критерием принадлежности человека к определенному общественному слою и, соответственно, определяла его место в социальном пространстве, содержала определенную ключевую информацию (о доходе, статусе, возможных интересах и социальных контактах). Если еще в середине 1960-х гг. немецкий исследователь Х. Шельских неоднократно подчеркивал, что семья и профессия олицетворяют две фундаментальные опоры человека, то в настоящее время исследователи приходят к выводу об исчезновении общества труда [1, с. 28]. Причинами такого изменения социальной роли труда являются те процессы, которые происходили в общественном производстве. Абсурдность ситуации производства проявляется в том,

что ее результатом становится сам труд. Производство превращается в замкнутую систему, в которой работают, чтобы воспроизводить его, то есть сам труд предстает тем самым продуктом производства, как и любой другой продукт. И, как пишет Ж.П. Бодрийяр, производство существует ради производства в «системе простого воспроизводства, которое вращается вхолостую в гигантской тавтологии процесса» [3, с. 74].

Однако все эти осложнения демонстрируют вовсе не уменьшение роли труда для человека, поскольку труд всегда был и остается сущностной характеристикой человеческой жизни. Речь идет лишь о том, что труд в силу ряда исторических причин приобрел отчужденный от человека характер в том смысле, что человек, потеряв контроль над направленностью и целью своего труда, все больше и больше чувствует свою социальную неполноценность, даже ненужность. И это является серьезным симптомом того, что современное общество не обеспечивает человеку возможность реализации его естественного права быть человеком, так как отчуждение от труда – это отчуждение человека от своей сущности.

Результаты исследования. Мы полагаем, как это ни странно для некоторых звучит, что проблема труда и проблема носителя его – человека – это не только социальная, но и космическая проблема. Труд в единстве его материально-преобразующей и идеально-преобразующей деятельности является ничем иным, как высшей формой условия и способа бытия любой системы среди окружающих ее систем. Нечто существует лишь потому и тогда, когда оно способно адекватно идеально воспринять (отобразить) себя в мире и материально обеспечить свое существование в нем. А.А. Ивакин утверждает: «Существование Бытия обеспечивается диалектическим тождеством идеального и материального отражения. Образно говоря, идеальное отражение означает, что Бытие знает, каким образом оно должно сохранять свою целостность, а материально отражая угрозы и опасности своей целостности, оно сознательно и целенаправленно действует» [4, с. 57]. Вот о чем фактически говорит знаменитая гегелевская формула: «Все действительное разумно, все разумное действительно». И, исходя из сказанного, уже можно усомниться в разумности и действительности устройства человеческого общества, базирующегося на отчужденном труде.

Таким образом, проблема развития труда является проблемой развития способа отражения, присущего социальной форме бытия. В отличие от способов отражения, характерных для более ранних форм, способ, свойственный форме социального бытия, имеет совершенно очевидное, явное разделение на материальное и идеальное отражение. Труд – это уникальный способ, выражающий диалектическое единство этих двух форм. Сознание как идеальное отражение, по мнению А.А. Ивакина, проявляется в труде в форме «идеального образа еще не созданной, но желаемой вещи, и идеального образа способности, умения того или иного человека эту вещь создать, умение двигаться по логике той или иной вещи» [5, с. 112].

Человек – это становящееся и совершенствующееся существо. Поскольку трудиться может только человек, а в результате труда не только создаются блага, но и совершенствуются сами формы труда, то, соответственно, только человек посредством своей трудовой деятельности способствует эволюционному развитию труда как способа отражения социальной формы движения материи. Таким образом, в процессе развития человечества развивается и труд, устремляясь, согласно учению Платона, к своему эйдосу как к некоему идеалу, эталону, совершенному образу. Попробуем выяснить, в чем же заключается содержание этого идеала.

Прежде всего отметим, что поскольку возникновение, развитие и реализация труда непосредственно связаны с человеком, то и идеал труда связан с процессом познания человеком своей сущности. Мы считаем, что большинством людей еще недостаточно осознана глубокомысленность слов Гераклита о том, что познание человеком бытия следует понимать в аспекте его «внимания» к Логосу, в результате чего и формируется иде-

ал как некая познанная необходимость, заданная разумным бытием. А.А. Ивакин пишет: «Согласно своей природе, в отличие от растений и животных, человек обязан не стихийно, а сознательно осуществлять «космическую необходимость», познавая и принимая ее как смысл жизни» [6, с. 20].

В силу игнорирования человеком совета древних и современных мудрецов (например, Г.С. Батищева) «внимать» Логосу, то есть логике бытия, двигаться в мышлении от всеобщего к единичному, а не наоборот, возникло искаженное восприятие сущности труда. Наиболее яркий пример – это восприятие труда в качестве удела рабов. Понять причину такого искажения, в общем-то, можно: раб в древнегреческой действительности не воплощал в себе человеческой сущности, а следовательно, и труд не мог быть понят как способ реализации последней.

В раннехристианских представлениях труд понимался как наказание за первородный грех. В частности, с помощью труда, особенно такой его формы, как тяжелый физический труд, человек якобы усмирал свою чувственную природу. Такой труд воспринимался как один из способов спасения, однако, опять же, не был связан с реализацией человеческой сущности в этом мире. Эти примеры говорят о том, что труд как феномен и как категория, не воплощая в себе реализацию человеческой сущности, не мог признаваться также ценностью.

Признание труда как действенного способа отражения мира возможно только, если признать творчество и свободу в качестве высшей степени проявления труда. Именно такой труд, в котором разворачивается творческая сущность свободного человека и создается культура (как вторая природа), является идеалом и эталоном способа освоения действительности.

Свобода труда долгое время рассматривалась в отрицательном понимании категории свободы – в форме «свободы от», согласно терминологии Э. Фромма. Именно с такой формой труда – рабского – отождествлялись представления о труде в культуре греков. Рабовладельческий подход, выраженный и «оправданный» в работах Платона и Аристотеля, основывается на четком разделении частной (домохозяйство) и публичной (полис) сферы. Первая, которую, собственно, и понимали в качестве труда, ассоциировалась с жизненными потребностями, необходимостью и насилием, была сферой не-свободы и неравенства, с чем и связано презрительное отношение свободных людей к труду. Вторая же была сферой равенства. Работа была занятием низким, уделом рабов и вольноотпущенных. При этом античные философы определяли раба в качестве такого рабочего, который обязан работать на хозяина, не будучи при этом человеком. В обществе свободных людей почиталась деятельность созерцательная, характеризующаяся отсутствием видимого предметного результата, самодостаточностью и наличием досуга, не зависящая от каких-либо условий. Такая деятельность не таит в себе возможность отчуждения человека от результатов своей деятельности. Конечным результатом ее является сам человек как творец. Она является смыслом и содержанием жизни человека. В то же время условием такой деятельности является раб как «говорящее орудие». Таким образом, труд понимался лишь как условие, но не как проявление человеческого бытия.

На фоне труда рабов, опосредованного внешней необходимостью, лишенного свободы и творчества, свободные граждане греческого полиса обладали огромным богатством, которое было еще недоступнее для рабов, нежели материальные богатства, – досугом, однако при этом далеко не все из свободных людей были способны реализовать собственно человеческую сущность. Пример таких людей, использующих досуг для превращения его в творчество, являют собой греческие философы. Рабы имели только время для отдыха, необходимое для восстановления жизненно важных функций, биологических потребностей. Такой ««тиражирующий» себя (в категориях А.С. Панарина) рабский труд помогал поддерживать и ретранслировать имеющуюся культуру, благодаря чему высвобождается время для интеллектуального (творческого) труда древнегрече-

ских философов. В результате были созданы такие духовные ценности, как идеи о свободе, равенстве и справедливости, которые легли в основу теории естественных прав человека.

Следует отметить важность возникновения подобных ценностей, поскольку в итоге именно эти идеи способствовали тому, что такие формы труда, как рабский, а в дальнейшем – и крепостнический, были упразднены в правовом поле.

Таким образом, продолжительное время свобода и творчество ассоциировались не с трудом, а с досугом, хотя на самом деле любой труд, понятый в своей сущности, – это и есть проявление человеческой сущности, так как подлинный труд – это не рабский труд, связанный с принуждением, а труд творческий, труд добровольный, тот, который Г.С. Сковорода именовал «сродный труд». При этом выдающийся философ подчеркивал, что нахождение человеком сродного ему труда дает счастье и уверенность в том, что посредством такого труда он исполняет свое божественное предназначение.

Проблема свободы труда непосредственно связана с вопросом о свободе человека при выборе цели (постановка в сознании идеального образа еще не созданной, но желаемой вещи). Человек не только ставит цели, но и реализует их. Он заставляет природу служить своим целям. В своей работе он против природы выставляет орудия труда, инструменты и влияет на природу силами самой природы. Именно на этом пути он обретает свободу, которая в труде проявляется не в отрицании необходимости природы, а в понимании необходимости труда, причем именно на основе получаемых в процессе труда знаний. В итоге это проявляется в формировании профессионализма как способности человека адекватно двигаться согласно логике вещей (идеальное отражение), а также в его способности творчески преобразовывать отношение людей друг к другу и к природе (материальное отражение).

Если воспринимать освобождение в труде в качестве перехода от труда как внешней необходимости к труду как самораскрытию человеческих сущностных сил, как свободу свободной личностной самореализации, то такой труд уже воплощает в себе свободу в позитивной ее форме, в терминологии Э. Фромма – «в свободе для», а именно в свободе творчества. В таком ракурсе свобода человека непосредственно связана с вопросом о вечности, однако речь идет не только о том, чтобы остаться в памяти потомков, а о сопричастности человека как единичного в процессе космической эволюции всеобщего. При этом возникает понимание первичности и разумности всеобщего и вторичности единичного. Однако такая «подчиненность» раскрывает себя уже не как рабская зависимость, а как познанная и радостно принятая человеком необходимость, то есть как свобода. В таком и только таком случае свобода в труде приобретает качество разумной ответственности за бытие, качество всеобщего, в котором разворачивается сущность человека, но уже не как некоей простой единичности, а как уникальной особенности, а именно как сотворца Вселенной. Труд, в котором реализуется именно такая свобода, осуществляется только свободным человеком (а не рабом и не роботом) и является истинной формой проявления отражения и самоотражения социальной формы движения материи, благодаря чему последняя может существовать и развиваться.

Этапы эволюции труда связаны именно с преодолением таких его форм, в которых не отражается человеческая сущность. Однако, несмотря на это, труд даже в наше время в сознании человека продолжает восприниматься в первую очередь как необходимость, опосредованная внешними по отношению к человеку, подчас даже враждебными, факторами. При этом появляется особая острота противоречия в форме отчужденного труда, а порой, как уверяют нас некоторые ученые, и «смерти труда». Последнее, правда, представляется нам весьма сомнительным, так как освободиться можно только от конкретной формы труда, а не от труда вообще.

Следует согласиться с Г. Маркузе в том, что в современном автоматизированном и компьютеризированном производстве, «вещи скорее задают ритм, чем угнетают, ритм

человеку как инструменту, то есть не только его телу, но также его уму и даже душе». Следовательно, эксплуатация как таковая, конечно же, еще сохранилась, несмотря на приобретение ею необычных, вуалирующих ее сущность, форм. Г. Маркузе пишет: «Не-свобода – в смысле подчинения человека аппарату производства – закрепляется и усиливается, используя технический прогресс как свой инструмент, в форме многочисленных свобод и удобств» [7, с. 36].

Одним словом, человек должен понимать, что труд составляет его сущность, однако что это относится не к любому, а к «сродному» труду. А.А. Ивакин утверждает: «Когда общественные отношения основную массу людей принуждают воспринимать труд не как свою сущность, не как любимое творческое занятие, направленное на саморазвитие, на производство себя и окружающего мира, а только как источник заработка, который потом можно потратить на биологические нужды, на физиологическое потребление, тогда наступает эпоха расчеловечивания» [5, с. 284]. Такая ситуация приводит к состоянию вражды и отчужденности, а не диалектического единства человека с миром. Человек в таком случае действует как эгоистичное единичное, а не как особенный «полномочный представитель» бытия как такого. Сродный труд является качественно новой формой и новым этапом человеческого бытия – этапом свободного и творческого труда в его диалектическом единстве, неким идеалом – образцом и вектором развития. Не всякая форма труда способна стать сродной по своей природе, однако это не означает, что сродность не присуща труду как развивающемуся явлению. Главное, чтобы то счастье, которое до сих пор выпадало сравнительно немногим людям, приобрело со временем универсальный характер.

Сродный труд помогает перейти человеку из царства необходимости в царство свободы, при этом воплощая свое высшее проявление сущности – творца (в христианской терминологии – «сотворца»). Для реализации сродного труда необходимо совпадение двух реальностей.

Во-первых, конкретный способ труда должен содержать в себе возможность расширения пространства для реализации свободы и творчества работника. Конвейерный труд, труд раба и крепостного таковыми не являются, а следовательно, в собственно философском значении, то есть в сущности своей, не являются трудом. Есть термин, обозначающий такой тип деятельности, – «работа». Такого различия юристы и экономисты, естественно, не делают, и напрасно.

Во-вторых, сознание конкретного человека должно быть готово «двигаться по логике вещей» (профессионализм), а сам он – быть собственно сотворцом (способным к творческому труду). Последнее зависит от развитости сознания, стремления к его самосовершенствованию и способности сознания конкретного человека к расширению, к способности прислушиваться к Логосу. Такие способности не могут возникнуть словно по мановению волшебной палочки. Г. Форд, создатель конвейерного производства, в произведении «Моя жизнь, мои достижения» отмечает, что не все работники готовы, а тем более не все хотят менять монотонную механическую работу на трудовую функцию, в которой заложен потенциал к реализации свободы и творчества.

Мы имеем дело с двумя вполне конкретными реальностями. Рамки первой задают также право и экономика. Она зависит от степени отражения принципа гуманности в этих институтах, степени отражения естественных прав человека, а также реализации принципа «ответственности за будущее» в экономике (так называемое воплощение теории устойчивого развития, предложенной Римским клубом). Вторая реальность является отражением уровня общественного сознания (собственно, и правового, и экономического). Следовательно, право и правосознание имеют непосредственное влияние на преодоление отчуждения труда. Этот вопрос требует дальнейших исследований.

Выводы. Развитие труда как способа отражения социальной формы движения материи непосредственно связано с развитием познания человеком своей сущности. Труд

является способом развертывания сущностных сил человека. Следовательно, изменяя и развивая формы труда, человек тем самым познает себя, а познавая свою сущность, он стремится усовершенствовать способ ее реализации.

Труд является основой диалектического единства единичного, особенного и всеобщего. В результате качественного развития труда создается, развертывается и эволюционирует родовая сущность человека, совершенствуется сознание человека, эволюционируют представления об идеальной форме труда как способе отражения мира (Вселенной, Космоса), что позволяет реализовать истинную сущность человека, понимаемую как свободный и творческий труд.

Труду принципиально присущи такие атрибуты, как свобода и творчество. Только вначале они существуют как возможность, а действительностью их делает «сродный» труд. Не всякая форма труда способна стать сродной в своей сущности, но это не означает, что сродность не присуща труду в идеале как развивающемуся явлению. Именно сродный труд является путем диалектического единства в системе «человек – природа – Абсолют (Вселенная, Космос)».

Список использованных источников:

1. Четырова Л.Б. Конструирование труда в европейской культуре : дисс. ... докт. филос. наук : спец. 09.00.11 / Л.Б. Четырова. – Самара, 2004. – 338 с.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с фр., общ. ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 381 с.
3. Бодрийяр Ж.П. Символический обмен и смерть / Ж.П. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. Ивакин А.А. Предмет фундаментальной онтологии / А.А. Ивакин // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Історія. Філософія. Політологія» : зб. наук. праць. – Вип. 4. – Одеса, 2012. – С. 52–61.
5. Ивакин А.А. Диалектическая философия : [монография] / А.А. Ивакин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – О. : Феникс ; Сумы : Університетська книга, 2007. – 440 с.
6. Ивакин А.А. Единство бога, человека и ноосферы : философское эссе. – О. : Феникс, 2011. – 244 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. А.А. Юдина ; под ред. А.В. Жаровского. – М. : «REFL-book», 1994. – 368 с.

